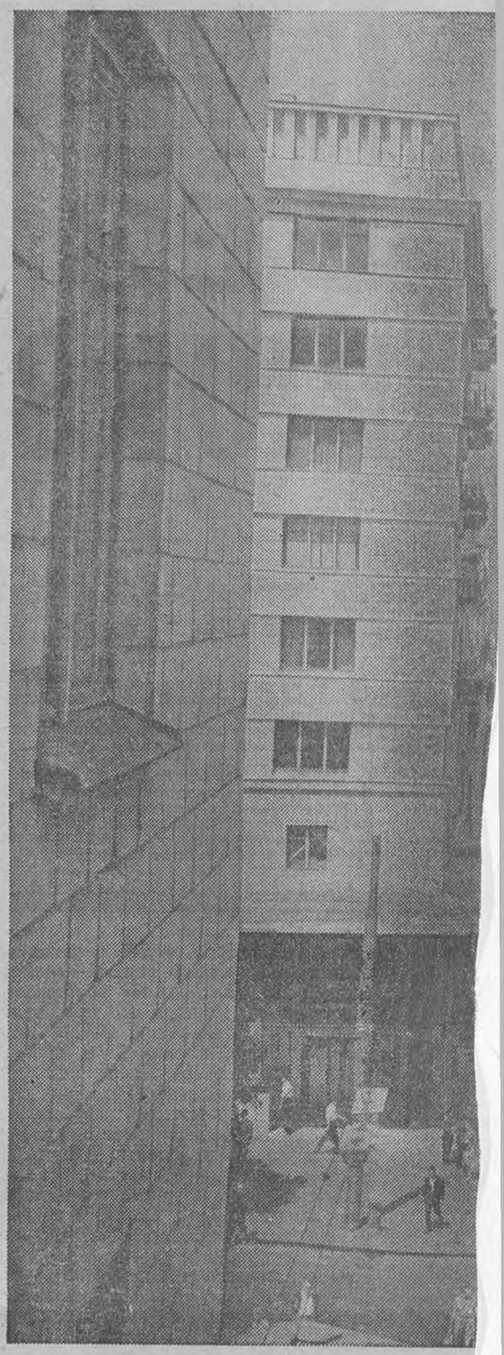
Известия-приложение
г. Москва
15 ИЮЛ 1963

РАССКАЗЫ О «ГЛАВНЫХ» УЛИЦАХ

ПРОГУЛКА ПО КРЕЩАТИКУ

Савва ГОЛОВАНИВСКИЙ



В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ мы часто прогуливались по Киеву втроем: А. П. Довженко, А. М. Бучма и я. Александр Петрович и Амвросий Максимильянович спускались с Левашовской, на углу которой оба жили, мы встречались обычно у театра имени Франко и кратко обсуждали маршрут предстоящей прогулки.

— Может, Крестителя проведаем?— спрашивал Довженко, имея в виду Владимирскую горку, на которой находился памятник князю Владимиру.

— Нет, лучше пойдем по пути «в печенеги»,— возражал Бучма.

Это значило, что он предпочитает прогулку по Крещатику, по которому в далекие времена Киевской Руси действительно проходил великий путь «в печенеги».

Оба они — и знаменитый режиссер, и великий актер очень любили и хорошо знали Киев. Не будучи коренными киевлянами, они помнили каждое мало-мальски значительное здание, особенно на Крещатике. У обоих были свои любимые и нелюбимые дома, и такое отношение к постройкам не казалось несправедливым, ибо Крещатик, каким он выглядел до войны, строился без какого бы то ни было архитектурного плана и представлял собой довольно разностильное собрание зданий.

И все же Крещатик был красив и до войны. Если не привлекал он законченностью архитектурных ансамблей, как, например, Невский проспект или главные улицы некоторых европейских столиц, то ее вполне заменяла романтическая таинственность глубокой древности и культурно-историческая роль, которую он сыграл в жизни народа. Он влек к себе, как человек, может быть, и не обладающий изысканной внешностью, но исполненный внутреннего смысла и интеллектуальной значительности.

КАК ЭТО НИ СТРАННО, Крещатик, носящий свое название уже свыше тысячелетия, стал городской улицей совсем недавно. Всего лишь сто лет с небольшим тому назад Тарас Шевченко еще ходил сюда охотиться на диких уток. Он жил неподалеку, в одном из ближайших переулков, в доме хоть и не в прежнем виде, но сохранившемся до сих пор. Здесь теперь находится мемориальный музей великого украинского поэта. Отсюда было рукой подать до буйных зарослей, покрывавших крутые склоны Крещатого яра, на дне которого некогда протекал ручей, а теперь находились Козье болото и заросшее камышом озеро.

Но даже будучи дремучей пустыней, этот глубокий овраг играл важную роль в жизни древнего Киева. По его склонам проходил не только путь в Печенеги и на Васильев град, но и несколько проселков, соединявших разрозненные части древнего города. Дело в том, что в те времена Киев состоял из трех частей, не связанных между собой площадью общей застройки: Печерск с лаврскими колокольнями и знаменитыми пещерами; Нагорная часть с древним Софийским собором, бывшим на заре христианства одним из важнейших его оплотов; и Подола — торговой части города. Между ними находился Крещатый яр; он служил единственной транспортной магистралью, связывал город воедино.

Киев строился необычно. Большинство городов начинают свое существование с появления главной улицы, от которой градостроители танцуют, как от печки. В Киеве все почему-то произошло наоборот: город уже существовал много столетий, а место, которое должно было стать его главным кровеносным сосудом, оставалось пустынным урочищем, в зарослях которого жили дикие звери, а по дну протекал ручей.

История этого ручья начинается с крещения в нем двенадцати сыновей киевского князя Владимира: С этого, собственно, и пошло приобщение Руси к христианству, а место, на котором ныне расположена главная улица Киева, к истории страны и ее народа.

До самого конца XVIII века здесь не было ни одного строения. В глубоком урочище журчал лишь исторический ручей, впадавший в устье реки Почайны. Чуть позже здесь появилась водяная мельница и мазанки монастырских людей, а еще через некоторое время заезды и винокуренные заведения шинкарей. И лишь в середине прошлого столетия улица стала приобретать городской вид, хотя, лишенная единого плана, она далеко уступала другим улицам города.

Только в начале нашего столетия Крещатик обрел, наконец, свое истинное значение и стал центральным проспектом большого города. На месте нынешней генеральной прокуратуры появился первый в Киеве театр, построенный по проекту архитектора А. Меленского. В 31-м номере открылась так называемая «Аптека для души», или «кабинет для чтения»—публичная библиотека. На углу Прорезной начало свою деятельность «заведение Балабухи и Рябошапки»—кондитерская, в которой производили знаменитое киевское сухое варенье, известное по всей России. Чуть позже выросло построенное по проекту архитектора Шилле здание Думы. Именно отсюда Столыпин уехал в Оперный театр, где его настигла пуля. На Крещатике выстроились большие гостиницы, жилые дома, в нижних этажах которых разместилось множество магазинов и ресторанов. Яркое освещение, каменная мостовая и тротуары, один из первых трамваев в стране и, наконец, близость к театру, цирку и другим культурным заведениям превратили Крещатик в центр города.

С этого времени представление о Киеве связывается всегда с Крещатиком, как воспоминание о Петербурге—с Невским проспектом. Даже человек, никогда не бывавший в этом городе и знавший о нем лишь то, что это один из древнейших городов страны, прежде всего спрашивал о Крещатике, без которого Киев себе невозможно представить.

А. П. Довженко был удивительно верен своим привязанностям и антипатиям. Здесь, на Крещатике, у него тоже был свой «ненавистный дом» — здание Центрального универмага. Я помню, как во время прогулок Бучма лукаво посмеивался и незаметно толкал меня в бок, когда, приближаясь к универмагу, Довженко неизменно стремился перейти на другую сторону улицы. На фронте, повторяя знаменитые слова Бернарда Шоу о том, что эта война может быть «оправдана» лишь в одном случае—если она разрушит Британскую империю, Довженко, шутя, добавлял: и киевский универмаг. Как выяснилось впоследствии, проклятая война не имела даже этого оправдания: она разрушила все здания Крещатика от самой площади Калинина до улицы Ленина, оставив в неприкосновенности лишь одно здание—именно киевский универмаг. В ноябре 1943 года, на следующий день после взятия Киева нашими войсками, мы вдвоем пробирались по страшным руинам прекрасной улицы и угнетенно молчали. Дойдя до здания универмага, Довженко остановился и почти с нежностью сказал:

— Уцелел, старик!

Нежность его была понятна: хотя уцелело и не лучшее, но оно все же было частью того милого и прекрасного, что разрушено навсегда. Крещатик представлял собой страшное зрелище. Улица был завалена горами обломков. Пройти можно было лишь по узенькой тропке, протоптанной накануне отрядом гвардии старшего лейтенанта Н. М. Шолуденко, первым прорвавшимся на Крещатик и пролившим за него свою кровь.

Чтобы представить себе масштаб разрушений, достаточно сказать, что площадь сплошных завалов занимала 62,6 гектара. Кварталы этого района были так варварски взорваны фашистами, что из 324 разрушенных домов можно было помышлять о восстановлении лишь 56!

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИСТУПИТЬ к планировке и постройке в полном смысле слова нового Крещатика, надо было разобрать и вывезти эти потрясающие руины. Огромную работу нельзя было проделать руками рабочих бригад. Ее можно выполнить лишь с участием населения всего города, ибо никаким рабочим бригадам был не под силу такой подвиг.

То были дни, исполненные истинного энтузиазма киевлян. На западе еще гремели великие сражения, еще лилась кровь на огромных фронтах от Черного до Белого моря, а город уже жил будущим, вкладывая всю свою душу в грядущую красоту и величие своей главной улицы. По старым трамвайным линиям ползли паровозы с платформами, женщины и дети грузили голыми руками обломки кирпича и камня. Народ очищал от ужаса недавнего прошлого огромную площадь, которая должна была стать строительной площадкой.

Сегодня, прогуливаясь по этой прекрасной и широчайшей улице, я часто вспоминаю «членов прогулочной тройки». Уже нет ни Довженко, ни Бучмы... Но я убежден: если бы они были живы, то даже угрюмый и серый Центральный универмаг не заставлял бы одного из них бежать на другую сторону улицы, а второго шутливо подталкивать меня в бок, указывая на непримиримого в своей эстетической требовательности товарища.

Рухнув в результате варварских взрывов, старые здания обнажили Крещатицкую долину в ее природном величии и естественной красоте. Открывшаяся удивительная панорама невольно наводила на мысль, что ее грешно закрывать снова сплошным фронтом зданий — пусть даже и очень краси-